

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Осипян Б.А., кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация, *artos5@mail.ru*

В статье автор посредством рассмотрения правомерных целей, содержательных элементов состава уголовного наказания выявляет существенные признаки для верного научного определения этого важного юридического явления, вид и размеры которого проистекают из понятия соответствующего вида и элементов состава преступления, а также предлагает ввести в действующий Уголовный кодекс РФ научно-правовое определение понятия уголовного наказания в целях законодательного и судебного уточнения некоторых видов и размеров уголовных наказаний и значительного улучшения российской правоприменительной практики в сфере целесообразного назначения и надлежащего порядка полезного отбывания уголовных наказаний.

Ключевые слова: юридическое определение понятия уголовного наказания, правомерные цели, содержательные элементы состава уголовного наказания, целесообразное назначение и полезное отбывание уголовных наказаний.

DOI: 10.21779/2224-0241-2017-21-1-113-123

UDC 343.01

LEGAL DEFINITION OF THE NOTION OF CRIMINAL PUNISHMENT

Osipian B.A., Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Moscow, Russian Federation, *artos5@mail.ru*

In article the author through consideration of the lawful purposes, substantial elements of the structure of criminal punishment reveals essential signs for the true scholarly definition of this important legal phenomenon, the kind and sizes of which result from concept of a corresponding kind and elements of the structure of a crime, as well as suggests to enter into the operating Criminal code of the Russian Federation the scholarly definition of the notion of criminal punishment for the purpose of legislative and judicial specification of some kinds and sizes of criminal punishments and for the considerable improvement of the Russian law enforcement practice in the sphere of expedient appointment and an appropriate order of useful serving of criminal punishments.

Key words: legal definition of the notion of criminal punishment, the lawful purposes, substantial elements of the structure of criminal punishment, expedient appointment and useful serving of criminal punishments.

DOI: 10.21779/2224-0241-2017-21-1-113-123

«Наказание есть понятие, из которого выросло человечество... Наказывать, – по-русски значит поучать. Поучать можно только примером. Воздаяние же злом за зло не поучает, а развращает» [1, с. 12].

В науке уголовного правоповедения «уголовным наказанием» можно было бы назвать любое правомерное и целесообразное принудительно-правоохранительное и судебное привлечение виновного человека, совершившего какое-нибудь предусмотренное государственным законом преступление, к личной юридической ответственности («отвечать своей головой») и содержание его в особом ограничительном правовом положении и психофизическом состоянии [2, с. 77]. Лицо, к которому применяют тот или иной вид и размер уголовного наказания, т.е. отбывает предусмотренное законом и назначенное судом ему уголовное наказание против его свободной воли, ставится в право-

вое положение осуждённого лица, которое вынуждено и обязано претерпевать определённые нравственные и физические запреты и ограничения, исполнять возложенные на него судом определённые тяготы и лишения в особых условиях, сроках, распорядках дня (режимах) пребывания или в специальных местах отбывания наказания в целях общественной самозащиты и безопасности, возможного и своевременного восстановления нарушенных прав потерпевших и выполнения требований произвольно нарушенного им права и закона посредством возмещения причиненного им физического, морального и материального ущерба потерпевшим лицам и обществу, чистосердечного и деятельного раскаяния, а также душевного исправления, примирения и духовно-нравственного воссоединения с уязвлённым им обществом и государством.

Такое публичное наказание преступников, как справедливая кара и суровое возмездие, сопровождающееся некоторыми физическими неудоб-

ствами и душевными страданиями осуждённых преступников жёсткое «проучение», целесообразное и благотворное их отвращение от зла и наставление их на верный путь и правомерный образ личной, общественной жизни и трудовой деятельности посредством наложения на них определённых законом и судом поведенческих и дисциплинарных обязанностей, запретов и лишений называется «уголовным наказанием», поскольку изначально, по своему смыслу, происходит от коренного русского слова «голова» и производного от него устойчивого словосочетания «отвечать головой»^{*} за содеянное зло или грех преступления.

Понятие уголовного наказания в русском правосознании исторически происходит из древнерусской законодательной, правоприменительной и судебной практики публичной выдачи «головой» всяких пойманных на месте преступления лиходеев в руки самих потерпевших от этого преступления лицам для своевременного и должного возмездия, отмщения, поражения, покарания, безотлагательного воздаяния за содеянные ими «грехи», «злодеяния» и «обиды» [3, с. 23; 4, с. 55] согласно обычаю кровной мести [5, с. 51]. Этот дохристианский правовой обычай «кровной мести» накладывал на самих потерпевших от преступления лиц или на их близких родственников прямую обязанность собственноручного отмщения «злодеев» и «обидчиков» для смывания пролитой крови жертв их преступлений кровью самих провинившихся преступников и необходимого поддержания чести и доброго имени семьи, рода или племени [6, с. 9].

Уголовное наказание, как исторически, так и логически, изначально представлялось в качестве социального и государственного возмездия, кары и расплаты, противодействия и публичного предупреждения всякому преступнику за совершённое им богопротивное, греховное, противоправное и общественно опасное злодеяние, законодательно определяемое как преступление. Поэтому производимая над их головами кара, как необходимый и целесообразный элемент состава того или иного уголовного наказания, всегда была и поныне остается необходимым начальным звеном и компонентом всякого сурового уголовного наказания как должного и предупредительного способа личного или публичного отмщения и соответствующего воздаяния виновным лицам за совершенные ими тяжкие преступления против обычных людей или публичных властей [7, с. 14].

По верному мнению некоторых зарубежных и отечественных правоведов, уголовное наказание представляет собой всегда необходимую кару, без которой применяемое к осуждённому преступнику наказание потеряло бы всякое принудительное, целесообразное и действенное своё испра-

вительно-правовое значение [8, с. 361]. При этом содержательная часть всякого сурового уголовного наказания как особого принудительного средства законодательно предусмотренного правомерного и целесообразного государственного принудительного физического, психологического, идеологического или духовно-нравственного воздействия на искажённую преступлениями греховную личность некоторых опасных преступников, исполняется в форме и в процессе мощного карательно-поучительного влияния, строгого запрета или ошутимого запрета или ограничения некоторых естественных, основных и конституционных прав и свобод осужденного за совершение преступления человека [9, с. 75].

Представляется, что во многих случаях без наличия первоначального элемента суровой кары и жёсткого воздаяния, принудительного запрета и ограничений нормальных условий жизни, которые причиняют осуждённому лицу некоторые ошутимые моральные и физические неудобства и душевные страдания, некоторые предусмотренные уголовным законодательством виды строгих наказаний (например, полное лишение или ограничение личной свободы преступника, его краткосрочный арест и т.п.) были бы не столь целесообразными и действенными средствами уголовно-правового воздействия для начального душевного потрясения и конечного духовно-нравственного изменения, обновления, преобразования и душевного исправления некоторых, в особенности опытных, закоренелых, трудновоспитуемых или не очень поддающихся душевному исправлению и духовно-нравственному воспитанию и образованию преступников.

Между тем, некоторые иные узаконенные виды и размеры уголовных санкций и наказаний могут вовсе не содержать в себе элементов суровой кары, но более всего, элементы предостережения, предупреждения, строгого наставления виновного и осуждённого лица на верный путь душевного исправления, общественного примирения и воссоединения, а также существенного изменения образа всей его повседневной личной и общественной жизни. В этих случаях произвольное карательно-принудительное воздействие государства на преступников не является необходимой, целесообразной и обязательной уголовно-правовой мерой применяемого к осуждённому лицу наказания, подобно тому, как не всякое родительское наказание в отношении непослушных и провинившихся детей [10, с. 37], всегда связано с громогласным окриком, принудительным воздействием или физическим рукоприкладством и повреждением как средства ошутимого телесного воздействия на них, в особенности в отношении наиболее добросовестных, сознательных, смысленных и достаточно восприимчивых к особо выразительному родительскому взгляду, ласковому и поучительному слову или сопроводительному наставлению своих всегда любимых, но не всегда послушных родных детей.

^{*} Заметим, что английский уголовно-правовой термин «capital punishment» также происходит от латинского слова «голова» – «capita».

Заметим, что само понятие принудительной кары, или «карательного воздействия», как элемента уголовного наказания, по своей природе представляется двуединым объективно-субъективным понятием, т.е. в определенной мере понятием относительным, поскольку оно содержит в себе не только выраженный процесс оказания мер, направленных на то, чтобы заставить и принудить осуждённых лиц, но также и личное их восприятие этих применяемых к ним принудительных, запретительных, ограничительных и иных дисциплинарных мер уголовно-исполнительного воздействия. Иными словами, совершенно одинаковые карательные запреты, ограничения или многообразные обременения для одного осужденного лица могут оказаться невыносимо строгими или даже невыносимыми испытаниями и страданиями в зависимости от особенностей его мировоззрения, психофизического склада и наличного состояния здоровья; тогда как для другого осуждённого лица, скажем, для закоренелого преступника и большинства преступников-рецидивистов, они могут оказаться всего лишь одним из многих очередных и привычных организационно-режимных мероприятий, регулярно проводимых в тех или иных уголовно-исполнительных учреждениях государства [10, с. 37].

Дело в том, что для наивных, малоопытных или неискущённых лиц применяемые государством меры по ограничению или лишению свободы и даже полной изоляции осуждённых от общества может предстать мучительной карой за совершенное преступление, а для других, более опытных и закоренелых осуждённых преступников, те же меры уголовно-правового воздействия могут восприниматься как необходимое, привычное и благопристойное условие для свободного проявления своей личности [11, с. 21] и утверждения своей коллективно-групповой значимости в среде своих опытных и противоправных единомышленников. Итак, понятие и степень карательного воздействия того или иного вида и размера уголовного наказания на личности разных типов преступников не всегда одинаково.

Правомерной целью всякого полноценного и действенного уголовного наказания должна быть не только возмещение причиненного совершенным преступлением физического, морального или материального ущерба, но также и добросовестная и деятельная попытка примирения преступника с самим потерпевшим лицом, примирение с обществом и государственным законом, с требованиями правил нормального человеческого общежития. С другой стороны, уязвленные совершенным преступлением государство и общество, как единый живой организм, в свою очередь, правомочны и обязаны залечивать свои раненые члены с неприменной лучшей надеждой на их скорейшее выздоровление и возвращение к полнокровной жизни, на должное воссоединение («social reintegration» – со-

циальную реинтеграцию) осуждённого лица-преступника к социальному целому, несущему постоянную ответственность за выздоровление своих больных членов.

В своё время известный немецкий мыслитель и правовед Г. Лейбниц, верно подметил то, что правомерное и целесообразное уголовное наказание должно преследовать благотворную цель сделать осуждённых людей, переступивших запреты государственного закона, полезными для других людей, а не превращать их в бесполезных даже для самих себя [12, с. 372]. Поэтому, как это ни выглядит парадоксально, уголовно-правовые цели уголовного наказания как необходимого средства социальной защиты от преступников должны сочетаться с благородными целями социального приспособления («social adaptation») и восстановления («resocialization») самих отпавших от общества преступников [13], т.е. с целями приспособления преступников к социальной среде, усвоения ими ценностей, установок и навыков для ведения правомерной и самостоятельной жизни в условиях свободы, приобретение утраченного в обществе чувства самоуважения, богоданного и высокого человеческого достоинства, личной ответственности за претворение своего личного призвания и смысла жизни [14, с. 23].

Уголовное наказание должно иметь своей правомерной целью также духовно-нравственное преобразование и душевное исправление, исцеление и перевоспитание осужденных за совершённые преступления виновных лиц. Несмотря на то, что процессы духовно-нравственного, мировоззренческого, умственного и душевного воспитания, образования, исправления или перевоспитания большинства людей осуществляются в основном в нормальных условиях их повседневной личной, семейной, школьной и общественной жизни, а не в суровых и жестких условиях особого режима и дисциплинарных правил колониальной или тюремной жизни людей, тем не менее, для некоторой категории осуждённых опасных преступников эти особые условия необходимы для применения к ним таких видов и режимов уголовного наказания. В то же время они не всегда могут быть первой и, тем более, последней правомерной целью и содержанием всякого сурового вида законодательно предусмотренного и судебным назначаемого уголовного наказания [15, с. 10], особенно для добросовестных и высокообразованных людей.

Уголовно-исправительная практика показывает, что посредством применяемых к ним таких видов уголовного наказания в какой-то мере можно достичь если не полного, то хотя бы ощутимого преобразования духовно-нравственного восприятия мира и психологического склада некоторых осужденных лиц, несмотря на то, что их генетически предопределенная природа и врождённая психофизическая натура как совокупность их личных склонностей, является почти неизменной, а си-

стема их лично приобретенных в общественной жизни ценностей, способностей и навыков в основном уже сложена в их зрелом возрасте.

Производные от понятия и состава совершённого преступления [16, с. 110] понятие, состав и вид уголовного наказания как необходимого, правомерного, целесообразного, принудительного, достаточно действенного и благотворного государственно-правового средства, которое предназначено для того, чтобы в определённых условиях и сроки вести осуждённого преступника к чистосердечному деятельному раскаянию и пожизненному покаянию, изначально происходит от латинского слова «*poena*», «*penitentiary*» (покаяние), как и другие виды общепринятого и публичного наказания в своей сущности должно стать надлежащим и благотворным для осуждённых лиц духовно-нравственным и жизнесмысловым воспитанием [14, с. 23], просвещением, поучением, назиданием, душевным исцелением и исправлением посредством правомерного, целесообразного и справедливого ответного воздаяния, должной кары, а также посильного восстановления нарушенного права и закона, общественного мира и спокойствия.

Многие выдающиеся духовно-нравственные просветители и мыслители прошлого верно полагали, что посредством своевременного применения соответствующего вида и размера уголовного наказания должен быть обезврежен и уничтожен сам криминогенный грех в человеке, который совершил преступление, но никак не сам осуждённый за совершение данного преступления грешный человек. Посредством применения уголовного наказания мудрые законодатели, правители и судьи в разных странах и в разные времена пытались восстановить искажённую (деформированную) грехом преступления или основательно разрушенную целостность личности человека-преступника, поскольку они в уголовном наказании усматривали необходимое и полезное средство душевного преобразования и добровольного перехода прежнего человека от греха совершенного им преступления к искреннему раскаянию в совершенном им грехе преступления, к полному и пожизненному покаянию в лучшей вере, надежде и любви. Несмотря на свое сущностное родство и генетическую общность, уголовное наказание, как разновидность всякого необходимого и благотворного человеческого наказания, естественно, имеет целый ряд содержательных и формальных различий от таких видов наказания, как родительское, школьное, церковное или иное духовно-нравственное общественное наказание.

В отличие от них, уголовное наказание всегда законодательно устанавливается государством, назначается только соответствующими судебными органами государства и принудительно применяется только специальными уголовно-исправительными учреждениями государства в только вменяемых лиц определённого возраста,

пола и общественно-правового положения. В этом смысле никакой яростно и быстро совершённый самосуд или безжалостная и несоразмерная кровная месть потерпевших от совершенного преступления лиц не может быть воспринята как правомерный и целесообразный способ привлечения к уголовно-правовой ответственности или справедливая мера уголовного наказания [2, с. 77]. Например, убийство злоречивого человека-обидчика за его оскорбление кого-то бранным словом или молчаливым действием никогда не может быть сочтено как правомерное и целесообразное уголовное наказание преступника, т.е. необходимой и полезной мерой публичного воздействия, кары или справедливого воздаяния и вразумления виновного лица.

Уже с древних времён неправомерный вид языческого наказания правонарушителей и преступников по обычаям кровной мести стал постепенно превращаться (трансформироваться) в законное право [17, с. 43] наказания согласно правому принципу талиона («*jus talionis*»), т.е. справедливого воздаяния равного за равное, как наказание, предусматривающее по своему виду и размеру, качественно и количественно не превышающее меру причиненного преступлением ущерба. Тем не менее, сам по себе этот правовой обычай и традиционный для многих народов принцип уже означал существенный прогресс в истории развития человеческого духа и общей культуры, поскольку уже в известной мере ограничивал произвол в выборе меры наказания, которое по своей тяжести не должно было выйти за пределы причиненного потерпевшим вреда. Принцип талиона означал, что совершённое человеком деяние, должно быть испытано на виновном в совершении данного преступления лице в том же виде и в том же объёме, но не более того: око за око, зуб за зуб и т.д.

Естественно, что по тем или иным причинам потерпевшие от совершённого преступления лица, сами не всегда могли соблюдать пределы правомерного и справедливого наказания своих необузданных и дерзких обидчиков. Именно поэтому уголовное наказание, как мера ответного и справедливого воздействия на преступников, постепенно стало превращаться из неправомерного способа личного отмщения в установленную законом справедливую меру государственного воздействия на преступников и контроля за поведением виновной и пострадавшей от преступления сторон, т.е. необходимым средством публичного упорядочивания поведения как преступника, так и поведения потерпевших от преступления физических, моральный или материальный вред обиженных лиц, которые были готовы на почве личной мести и безудержного гнева, ненависти и непримиримой вражды собственноручно расправиться с мнимым или действительным своим обидчиком – пойманным преступником.

Известно то, что уже в Ветхом Завете Библии устанавливался строгий духовно-нравственный

и законодательный запрет на судебное самоуправство или страстное и безотлагательное совершение кровавого самосуда над неосторожным преступником, который не имел злого умысла незаконно причинить кому-либо вред. Более того, всем подозреваемым, обвиняемым или явно виновным в совершении того или иного преступления лицам до свершения открытого и публичного суда над ними, предоставлялась временная возможность отдалиться и надёжно укрыться от своих не всегда справедливых и обычно разъярённых преследователей из числа кровных родственников потерпевших: «И будут у вас города сии убежищем от мстителей, чтобы не был умерщвлен убивший, прежде, нежели он предстанет пред обществом на суд» [18]. Таким представлялся долгий исторический процесс развития правосознания многих цивилизованных народов и государств [19, с. 7].

По верному мнению известного немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля, «право на наказание преступления в форме мести есть лишь право в себе, а не в форме правового акта, т.е. не правовое в своем существовании... Наказание может иметь место только в государстве, вне его оно является мстящей справедливостью, возмещением в форме случайности... Там, где преступление преследуется и карается не как «*crimina publica*», а как «*privata*», наказание еще в какой-то степени характер мести.

В ряде современных законодательств еще сохраняется остаток прежних представлений о мести, поскольку индивидам представляется самим решать, передадут ли они дело в суд или нет» [20]. Разумеется, здесь философ имеет в виду процедуру возбуждения и рассмотрения уголовных дел, так называемого, «частного обвинения» (например, нанесение лицу оскорбления или умышленное повреждение его имущества), которые не затрагивают наиболее важных и правоохраняемых объектов и публичных интересов.

Рассматривая уголовное наказание как необходимое средство для установления, восстановления и поддержания надлежащего общественного правопорядка, известный английский философ Т. Гоббс писал: «Ведь целью налагаемого законом наказания является не удовлетворение чувства гнева против какого-то человека, но предупреждение, насколько возможно, несправедливости, что служит на пользу всему роду человеческому, и несправедлив тот закон, который поражает раньше, чем предупреждает» [21, с. 574]. Более широкую правомерную и полезную цель в действии уголовного законодательства и наказания видел в своё время известный французский мыслитель, философ и экономист А. Сен-Симон: «Законодательство, лишённое своего предупредительного характера, свидетельствует, по нашему мнению, о варварстве и невежестве народа, который ему подчинен; для нас недостаточно, чтобы законодательство ставило себе задачей подавлять и предупреждать зло, наказывать порок или ставить ему препятствия; необ-

ходимо, чтобы оно предписывало и внушало добро, чтобы оно поощряло и воспитывало добродетель» [22, с. 87]. В этом смысле и контексте уголовное наказание представляет собой законное средство для предупреждения («prevention» – превенции) и психологического пресечения возможных преступлений путём жёсткого ограничения или подавления в некоторых людях проявления врождённой или социально приобретённой склонности, привычки или навыков к злодеяниям, а также духовно-нравственного воспитания и постепенного привития вкуса и желания им отдаляться от зла и склониться к совершению добрых дел [23, с. 23].

Большинство великих мыслителей, независимо от их духовной, мировоззренческой, идеологической или психологической установки и ориентации, согласны в том, что уголовное наказание представляет собой необходимое, правомерное и вполне действенное государственное противодействие действию наличного факта совершенного того или иного преступления, соответствующую и своевременную ответную государственно-правовую, законодательную и правоохранительную реакцию на наличный факт уже совершенного преступления, воплощение государственно-правового отрицания и порицания правонарушающего преступления, действенное средство законодательного планирования и социального контроля [24, с. 45], надлежащего законодательного, правоохранительного, судебного и уголовно-исполнительного регулирования должного поведения всякого рода злоумышленников и законопреступников.

Каково же определение и содержание общего понятия уголовного наказания и от чего конкретно зависят его законодательно определяемые и судебно назначаемые виды и размеры?

Качественно новым шагом в развитии идеи и практики уголовного наказания стал знаменитый Армянский Судебник Мхитара Гоша 1184 года [25, с. 43], в котором категорически отвергались любые формы проявления кровной мести, самосуда, а также принципа талиона с его примитивно-арифметическим формальным равенством. Дело в том, что по мирской мудрости и логике талиона всегда одно совершенное зло и его жертва должны непременно удвоиться, утроиться и т.д., ибо одно убийство из мести, корысти и т.д. непременно влечет за собой второе убийство в виде наказания... и так без доброго конца. Между тем, всякое воздаяние, чтобы иметь сущность, содержание и форму уголовного наказания, должно поучать виновного, помочь ему восполнить недостаток чувства самоуважения и собственного достоинства, жизненного предназначения и смысла.

Ведь сказано предельно ясно: Не будь побежден злом, но побеждай зло добром [26]. Только в этом случае наказание, как необходимое зло, чтобы быть правомерным, должно, в конечном счете, окончательно отвратить преступника от зла, по возможности приблизить его к свету добродетели,

служить добру, прервать и нейтрализовать действие зла совершенного преступления, поворачивать силы зла в обратном направлении, умножать и воспроизводить добро. В этом смысле Судебник 1184 года, следуя христианским принципам и ставя цель чистосердечного раскаяния и пожизненного покаяния преступника, устанавливал универсальный, так сказать, алгебраический эквивалент между характером причиненного вреда и мерой назначаемого вида, режима и срока наказания. Такой всеобщей и качественно справедливой мерой воздаяния и восстановления нарушенного права явилась определенная цена крови разумного существа, которая равнялась тремстам шестидесяти пяти золотым дахеканам [27, с. 162].

В своё время известный немецкий философ И. Кант, верно считая всякое уголовное наказание соответствующим противовесом совершенному преступлению, видел единственным критерием соизмерения преступления и наказания фактическое равенство между их последствиями соответственно в отношении жертвы и преступника: «Каков, однако, способ и какова степень наказания, которые общественная справедливость делает себя принципом и мерилем? Единственный принцип – это принцип равенства, согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более чем в пользу другой. Итак, то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслуживающему его, ты причиняешь и самому себе. Оскорбляешь ты другого – значит ты оскорбляешь самого себя; бьешь его значит сам себя бьешь; убиваешь его значит убиваешь самого себя. Лишь право возмездия (*«jus talionis»*; слово *«talio»* на латыни означает подобное подобным), если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия, а не в твоём частном суждении, может только определить качество и меру наказания; все прочие права неопределенны и не могут из-за вмешательства других соображений заключать в себе соответствие с приговором чистой и строгой справедливости» [28, с. 257]. Приобщив принцип талиона к известному своему «категорическому императиву», И. Кант в своих трудах всячески пытался обосновать необходимость того, чтобы всегда преступника наказывать за совершённое им убийство смертной казнью, изнасилование и педерастию – кастрацией, скотоложество – изгнанием из человеческого общества [29, с. 79].

Совершенно иной подход к этой проблеме имелся у немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля. Он напрочь отвергал устаревший древний юридический принцип талиона из-за его очевидной неправомерности и практической абсурдности и неисполнимости, и делал он это известным гносеологическим методом доведения кантовского положения до абсурда. Он не без иронии на примерах наказания одноглазого и беззубого преступника наглядно показал то, что во многих случаях равное наказание вовсе не является равным, ибо лишить одно-

глазого преступника его единственного глаза фактически означало полностью лишить его зрения, а наказание беззубого преступника по принципу зуб за зуб представляется вообще нереальным для исполнения. Посему основным критерием справедливого уголовного наказания преступников он справедливо считал внутреннее равенство в вещах, качественно равное отрицание преступления, нарушение нарушения [20]. «Лишь со стороны внешней формы, – писал в этой связи Гегель, – воровство, грабеж, а также наказание в виде денежных штрафов и тюремного заключения и т.п. совершенно не равны, но по своей ценности как нарушения, они сравнимы» [20, с. 152].

Цели и содержание понятия уголовного наказания Г.В.Ф. Гегель логически выводил из самого понятия преступления и его справедливого снятия. «Теория наказания, – писал он по этому поводу, – одна из тех частей позитивной науки о праве, которая хуже других была разработана в новейшее время, так как в этой теории применение рассудка недостаточно, все дело существенно в понятии. Если рассматривать преступление и его снятие, которое в дальнейшем определено как наказание, только как зло вообще, то можно, в самом деле, считать неразумным хотеть зла только потому, что уже существует другое зло. Это поверхностное наказание как зла является первым, что предпосылается в различных теориях наказания в теории предотвращения преступления, теории устрашения, угроз, исправления и т.д., а то, что должно произойти в результате наказания, определяется в них столь же поверхностно, как благо. Но здесь речь идет не о зле и не о том или ином хорошем результате, все дело в неправде и справедливости» [20, с. 146].

Дело в том, что всякая истинная сущность, содержание и соответствующая им форма представляют собой наличие надлежащего образа и подобия (печати) Сущего Бога на той или иной вещи или явления, в особенности на человеке, т.е. его Божественное предопределение и предназначение. Выводя сущность и понятие уголовного наказания из самого понятия преступления, Г.В.Ф. Гегель усматривал в наказании своеобразный акт соответствующего государственно-правового «отрицания отрицания», т.е. в отрицании произвольного нарушения преступником первоначального Слова, общеобязательного Закона и благой воли Бога, т.е. надлежащей и непреходящей идеи права и производного от неё правомерного закона [30, с. 34; 31, с. 83]. И поскольку в свете этой духовно-правовой истины понятие наказания проистекает из понятия преступления, то в своей сущности наказание есть одно из средств познания, признания и исполнения нарушенной воли Сущего. Отсюда следует вывод о том, что наказывающий государственный закон представляет собой лишь момент нормативной конкретизации и формулировки воли Бога в целях сохранения государству подконтрольного надле-

жащего социального порядка. В противном случае закон будет неправомерным, а предусмотренная им мера государственного воздействия на личность правонарушителя явится на деле не чем иным, как ответным проявлением мести и ненависти, возможно, также и зависти, которые ничего общего не имеют с сущностью понятия наказания, которая коренится в духовной любви к согрешившему и провинившемуся собрату, переступившему объективный и общеобязательный Закон Божий и производный от него правомерный закон человеческий.

В этом контексте в учении В.Г.Ф. Гегеля о преступлении и наказании уголовное наказание изначально представляется законным правом преступника, который фактом совершенного им преступления как бы дает свое согласие на применение к нему наказания. «Наказание, – по его мнению, – есть также право, положенное в самом преступнике, т.е. в его налично существующей воле, в его поступке. Ибо в его поступке, как поступке разумного существа, заключено, что он нечто всеобщее, что им устанавливается закон, который преступник признал для себя, под который он, следовательно, может быть подведен как под свое право. В том, что наказание рассматривается как содержащее его собственное право, преступник почитается как разумное существо. Эта честь не будет ему воздана, если понятие и мерило его наказания не будут взяты из самого его деяния; так же и в том случае, если его рассматривать как вредного зверя, которого следует обезвредить или стремиться запугать и исправить его» [20, с. 147].

Очевидно то, что уголовное наказание в качестве угрозы или устрашения Г.В.Ф. Гегель считал изначально неправомерным, поскольку в этом случае человек рассматривался не в качестве богоподобно свободного и разумного существа, а в качестве бессловесного, т.е. не слышащего и не знающего Слова Божия запуганного зверя или животного, которое не имеет свободной воли и разумной ответственности, а только чувство страха. И поскольку основанием всякого права является свобода, а не несвобода, то угроза наказанием похожа на замахивание палкой на собаку, а не на человека с его богоданным абсолютным достоинством. Уголовное наказание как угроза и средство психологического запугивания и устрашения поэтому может вызвать совершенно противоположное воздействие (эффект), который может побудить человека с его богоданной свободной волей на противодействие, протест и восстание против самого запретительного и устрашающего государственного закона вплоть до его непризнания и нарушения. Кстати говоря, из-за непонимания этой простой истины со стороны многих законодателей и иных представителей государственной власти и правоохранительных органов в нашей современной жизни можно встретить нескончаемый ряд подобных примеров, когда неправомерный подход к применению уголовного наказания способствует лишь еще боль-

шему естественному озлоблению осужденных и увеличивает степень жестокости и количество повторно совершаемых в обществе преступлений.

В этом контексте бывшие «младогегельянцы» и впоследствии признанные классики «марксизма» в определенной мере были правы, заявляя, что «со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устроить наказанием» [32, с. 530]. К сожалению, ввиду недостаточно высокого уровня развития правосознания государственных законодателей и большинства населения во многих не очень развитых государствах устрашительная цель уголовного наказания рассматривается как одна из важных целей уголовно-правовой политики этого государства. В обоснование правомерности цели карательного воздействия и устрашения, общего и неизбирательного предупреждения всех предполагаемых потенциальных преступников некоторые известные отечественные юристы ссылаются на то, что определенная часть граждан все же не совершает преступления именно под страхом наказания [33, с. 367]. Между тем, ещё много веков назад древнеримский мыслитель и ритор Цицерон верно и небезосновательно полагал, что уголовное наказание должно стать благотворным средством для восстановления утраченного доброго имени ... и карой в виде позора [34]. Французский мыслитель Ш. Монтескье также хотел видеть самой действенной частью всякого справедливого наказания не только и не столько психологическое устрашение, сколько позор быть подвергнутым стыду [35, с. 233].

Представляется, что правомерное воздействие любого уголовного наказания возможно только в том случае, когда оно применяется к преступникам со стороны более любвеобильных, духовно и юридически просвещенных, воспитанных, достойных, совершенных, законопослушных и добропорядочных людей, служащих государству для блага самих наказуемых за совершение преступлений осужденных людей. В противном случае даже самое справедливое уголовно-правовое воздаяние злом за зло ничему хорошему преступников не может научить, но только может еще больше развратить и без того уже развращенные их умы и души в жестких условиях тюремного заключения. Такое, даже самое строгое наказание будет похоже на частую брань или жестокие побои, к которым очень быстро привыкает шаловливый ребенок и при этом теряет своё врожденное или привитые ему с детства чувство стыда. Так и всякий здравомыслящий преступник, страшась только предполагаемого принуждения или привыкая к мучительным страданиям, испытываемым от отбываемого им уголовного наказания, еще более может испортиться, так и не освободившись от своего постоянного стремления к привычному для него преступному удовлетворению своих низменных страстей и несбывшихся наяву личных похотей.

Представляется, что для того чтобы иметь более высокое социальное предназначение и личное духовно-нравственное и просветительское значение, правомерное и целесообразное уголовное законодательство, как и любой другой необходимый, правомерный и полезный государственный закон, помимо предусмотренных необходимых и «душеочистительных» санкций, восстановительных и возмездительных наказаний, должно быть снабжено духовно-правовым и содержательным введением, целеполагающей преамбулой или развёрнутым предисловием поучительного, образовательного, мировоззренческого и идеологического воспитания, личного убеждающего характера и общесоциальной направленности, а также не отличаться своей языковой сухостью и излишней жёсткостью в отношении тех людей, которые впервые совершили нетяжкое преступление, либо совершили преступление без злого умысла, т.е. по неосторожности или исходя из каких-либо предполагаемых ими благих побуждений [36, с. 289; 37, с. 448].

Каждых человек, наверняка, знает, что совершение преступления чревато возможным применением к нему уголовного наказания и вытекающими из него физическими запретами, ограничениями и душевными страданиями, бытовыми тяготами и лишениями, его отлучением и отчуждением и ограждением (изоляция) от воспитавшего его с рождения его родного общества, введением его в особо жёсткое правовое положение, при котором он может быть лишён возможности привычного для него удовлетворения ряда своих естественных и желаемых для него потребностей, поскольку вынужден будет строго подчиняться и в точности исполнять требования установленного режима его наказания в поте лица своего и в муках суетных ежедневных забот. В этом смысле не только преступник должен нести ответственность перед обществом и государством, но и последние должны оставаться до конца ответственными перед своими заболевшими членами-преступниками для их возможного исцеления и введения в нормальный общественный строй и правопорядок [38].

Если уголовное наказание несвоевременно прививает осужденным осознание несправедливости совершенного ими правонарушения, а только нагнетает животный страх, то оно представляет собой лишь бессмысленное его психическое подавление и разрушение, шокирующую и пагубную кару, возмездие, воздаяние, которые сами по себе могут явиться лишь началом их возможного душевно-исправительного процесса, однако не промежуточной и, тем более, не конечной целью применяемого уголовного наказания [15, с. 10]. В свое время философы Древнего Китая верно подметили, что всякое безлюбное, бездуховное и безнравственное наказание под страхом побуждает людей к притворству и стремлению оставаться безнаказанными. Уголовное наказание, по их мнению, недостаточно для того, чтобы люди не совершали

преступлений. Только овладев чувствами и мыслями людей, можно подчинить себе Поднебесную. Только упрочив в себе благие намерения, можно привести людей к покорности и законопослушанию [39, с. 55].

Для научно-правового и законодательного определения понятия уголовного наказания необходимо учитывать то, что существенными признаками любого уголовного наказания являются такие качественные и количественные характерные свойства и правовые измерения [40, с. 14], как вид и размер законодательно установленного или назначаемого судом уголовного наказания, его назначение судом от имени государства, его исполнение только специальными государственными органами и учреждениями. В свое время известный английский философ Т. Гоббс справедливо предупреждал, что «...ни личная месть, ни ущерб, нанесенный частными лицами, не могут называться наказанием в собственном смысле слова, так как они не исходят от государственной власти [21, с. 242]. Итак, наказывать преступников и нарушителей государственного закона полномочны только государство и его соответствующие правоохранительные и судебные органы.

В этом контексте даже если суд на основании уголовного закона от имени государства вынесенным своим приговором без всякого сомнения признал бы подсудимое лицо виновным в совершении предусмотренного законом того или иного преступления и приговор в точности был бы исполнен каким-либо другим, кроме специальных уголовно-исполнительных органов государства, то такой акт обвинения и карательного принуждения преступника не мог бы считаться правомерным исполнением уголовного наказания, так как не содержал бы в себе все необходимые и достаточные элементы содержания понятия уголовного наказания. Для верного научно-правового и законодательного определения и формулировки понятия уголовного наказания, помимо прочих существенных характеристик и измерений (параметров) [40, с. 14; 16, с. 110], существенными признаками являются такие качественные и количественные параметры, как вид и размер наказания, его назначение судом от имени государства, его исполнение только специальными государственными органами и учреждениями. И, действительно, даже если законом предусмотренный суд как орган государства на основании уголовного закона и от имени государства вынесенным своим приговором признал бы некое лицо виновным в совершении предусмотренного законом того или иного преступления и приговор в точности был бы исполнен каким-либо иным лицом или учреждением, кроме предусмотренных законом специальных (уголовно-исполнительных, или пенитенциарных) органов государства, ведающим исполнением назначенным судом уголовного наказания (например, со стороны родных или близких потерпевшего от преступле-

ния лица), то такой процесс публичного принуждения и кары преступника не мог бы считаться правомерным актом уголовного наказания, как таковым.

Составной частью этой общей цели уголовного наказания является восстановление общественной приспособленности и пригодности («*social rehabilitation*») самого отвернувшегося от Бога, от собственной богообразности и от родного общества осужденного, которая закреплена в пункте 3 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года. На этом основании, согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ, указанная уголовно-правовая цель уголовного наказания, направленная на восстановление нормальных взаимоотношений преступника и его родного общества, должна быть также включена в современные уголовные кодексы как одна из наиболее важных правомерных конституционных целей. Многие учёные-правоведы и составители текстов уголовных кодексов обычно ссылаются на то, что социальная реабилитация и духовно-нравственное исправление и перевоспитание осужденных предполагает превращение последних в полноценную личность, что, по их мнению, невозможно в условиях тюремного режима несвободы. Тем не менее, как представляется, целенаправленный акт духовно-нравственного возрождения или преобразования осужденных должен всегда находиться на повестке дня всех мудрых и заботливых законодателей мира [41, с. 14].

Таким образом, положение уголовного закона о понятии уголовного наказания должно быть составлено (сконструировано и сформулировано в соответствующем положении проекта нового УК РФ), по крайней мере, из трех составных частей: в первой части должно быть дано целостное определение понятию уголовного наказания; во второй

части должен быть представлен полный набор всех его существенных начальных, промежуточных и конечных целей, составных частей (элементов и компонентов) наподобие элементов состава соответствующего преступления; в третьей части должны содержаться основные требования назначения и претворения уголовного наказания как необходимого, правомерного и целесообразного средства государственного принуждения и достаточного очистительного, исправительного, воспитательного, духовно-нравственного и благотворного воздействия на личность осужденного преступника.

На основании изложенного представляется, что понятие «уголовное наказание» может быть сформулировано и определено следующим образом: уголовное наказание представляет собой предусмотренную государственным законом, назначаемую только по приговору полномочного суда и от имени государства, исполняемую только специальными государственными органами необходимую, целесообразную и достаточную предупредительную или принудительную меру духовного, нравственного и исправительно-правового воздействия на лицо, которое в должной судебной процедуре признано виновным и осуждено за совершение законодательно предусмотренного преступления в целях восстановления нарушенного им права и закона, возможного возмещения причиненного ущерба, примирения осужденного преступника с потерпевшим, обществом, с самим собой и Богом-Создателем, его душевного преобразования и исправления, социальной реабилитации, перевоспитания и личного покаяния, предупреждения совершения новых преступлений и поддержания надлежащего и устойчивого общественного правосознания, спокойствия и правопорядка [42, с. 24; 43, с. 108].

Литература

1. Толстой Л.Н. Круг чтения. М., 1991. Т. 1. С. 367; Т. 2. С. 12.
2. Осипян Б.А. Основание и система правовой ответственности и наказания: различие понятий «*imputatio*», «*indictare*», «*sanctio*», «*roena*» // Современное право. 2007. № 5. С. 77–85.
3. Осипян Б.А. Русский язык как ключ к познанию духа русского права // Современное право. 2007. № 9. С. 23–29.
4. Осипян Б.А. Истоки русского правосознания // Современное право. 2008. № 3. С. 53–59; № 4. С. 55–59.
5. Осипян Б.А. Процессы взаимодействия обычая и права // Современное право. 2006. № 4. С. 51–57.
6. Гурвич А. История и сага. М., 1972. С. 9.
7. Осипян Б.А. Правомерное понятие личной и публичной власти // Вестник развития науки и образования. 2014. № 5. С. 14–29.
8. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 361.
9. Уголовно-исполнительное право. М., 1996. С. 75.
10. Осипян Б.А. Государство как временная мера социального «детовождения» // История государства и права. 2007. № 2. С. 37–40.
11. Осипян Б.А. Духовно-правовая сущность права каждого человека на самоопределение // Гражданин и право. 2015. № 2 (45). С. 21–28.
12. Лейбниц Г. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 372.
13. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике). М.,

1970.

14. *Осипян Б.А.* Смысл жизни человека в контексте непреходящей идеи права // Вопросы правоведения. 2012. № 1. С. 23–40.
15. *Осипян Б.А.* Обоснование неправомерности смертной казни и пожизненного лишения свободы // Уголовно-исполнительная система. М.: «Юрист», 2011. № 3. С. 10–15.
16. *Осипян Б.А.* Понятие, признаки и элементы состава преступления // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 2. С. 110–120.
17. *Осипян Б.А.* Трансформация права в закон: духовные, научные и практические аспекты // Государство и право. 2006. № 8. С. 43–50.
18. Библия. Ветхий Завет. Числа, 35:12.
19. *Осипян Б.А.* Критерии правомерности типов и форм государства // История государства и права. 2007. № 18. С. 7–11.
20. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 258, 414, 415, 151, 152.
21. *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 574.
22. Изложение учения Сен-Симона. М.-Л., 1947. С. 87–88.
23. *Осипян Б.А.* Атлас правомерной законодательной политики, основанной на ступенях развития религиозного самосознания и преданности // Представительная власть. 2007. № 5. С. 23–28.
24. *Осипян Б.А.* Законодательное планирование, управление и контроль общества // Общество и право. 2012. № 3. С. 45–56.
25. *Осипян Б.А.* Армянский Судебник 1184 года как прообраз христианской конституции // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 7. С. 43–48.
26. Библия. Новый Завет. Римлянам, 12:21.
27. Армянский Судебник Мхитара Гоша. Ереван, 1954. С. 162, 238.
28. *Кант И.* Сочинения. В шести томах. М., 1963-1966. Т. 4 (2). С. 257.
29. *Пионтковский А.А.* Уголовно-правовые воззрения И. Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940. С. 79–89.
30. *Осипян Б.А.* Определение понятия права // Современное право. 2007. № 2. С. 34–42.
31. *Осипян Б.А.* Правомерный закон и законодательный произвол // Адвокат. 2009. № 7. С. 83–88.
32. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М.-Л. 1958. Т. 8. С. 530.
33. *Наумов А.В.* Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 367.
34. *Цицерон.* Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. С. 72, 117.
35. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 233.
36. *Аристотель.* Сочинения. Т. 4. С. 289.
37. *Локк Дж.* Сочинения. Т. 3. С. 448–449, 470–471.
38. *Осипян Б.А.* Право как верный путь к порядку и душеспасению, или два главных вектора действия надлежащей и непреходящей идеи права // Религия и право. 2015. № 3. С. 28–38; Вестник развития науки и образования. 2015. № 4. С. 4–20.
39. Древнекитайская философия // Собр. текстов: в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 55.
40. *Осипян Б.А.* Понятие правометрии, или межерологии права // Государство и право. 2005. № 8. С. 14–19.
41. *Осипян Б.А.* Новый правовой завет депутатам парламентов мира, или конституционная система правовой ответственности законодателей // Представительная власть-XXI век. 2003. № 1 и № 4. С. 14–18, 20–25.
42. *Осипян Б.А.* Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 24–32.
43. *Осипян Б.А.* Правосознание человека и общественный правопорядок // Научная мысль. 2016. № 2. С. 108–124.

References

1. *Tolstoi L.N.* Krug chteniya. M., 1991. T. 1. S. 367; T. 2. S. 12.
2. *Osipyanyan B.A.* Osnovanie i sistema pravovoi otvetstvennosti i nakazaniya: razlichenie ponyatii «imputatio», «indictare», «sanctio», «poena» // Sovremennoe pravo. 2007. № 5. S. 77–85.
3. *Osipyanyan B.A.* Russkii yazyk kak klyuch k poznaniyu dukha russkogo prava // Sovremennoe pravo. 2007. № 9. S. 23–29.
4. *Osipyanyan B.A.* Istoki russkogo pravosoznaniya // Sovremennoe pravo. 2008. № 3. S. 53–59; № 4. S. 55–59.
5. *Osipyanyan B.A.* Protsessy vzaimodeistviya obychaya i prava // Sovremennoe pravo. 2006. № 4. S. 51–57.
6. *Gurvich A.* Istoriya i saga. M., 1972. S. 9.

7. *Osipyanyan B.A.* Pravomernoe ponyatie lichnoi i publichnoi vlasti // Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. 2014. № 5. S. 14–29.
8. *Naumov A.V.* Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lektzii. M., 1996. S. 361.
9. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. M., 1996. S. 75.
10. *Osipyanyan B.A.* Gosudarstvo kak vremennaya mera sotsial'nogo «detovozhdeniya» // Istoriya gosudarstva i prava. 2007. № 2. S. 37–40.
11. *Osipyanyan B.A.* Dukhovno-pravovaya sushchnost' prava kazhdogo cheloveka na samoopredelenie // Grazhdanin i pravo. 2015. № 2 (45). S. 21–28.
12. *Leibnits G.* Sochineniya: v 4 t. T. 4. M., 1984. S. 372.
13. *Ansel' M.* Novaya sotsial'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugolovnoi politike). M., 1970.
14. *Osipyanyan B.A.* Smysl zhizni cheloveka v kontekste neprekhodyashchei idei prava // Voprosy pravovedeniya. 2012. № 1. S. 23–40.
15. *Osipyanyan B.A.* Obosnovanie nepravomernosti smertnoi kazni i pozhiznennogo lisheniya svobody // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema. M.: «Yurist». 2011. № 3. S. 10–15.
16. *Osipyanyan B.A.* Ponyatie, priznaki i elementy sostava prestupleniya // Yuridicheskii vestnik DGU. 2016. № 2. S. 110–120.
17. *Osipyanyan B.A.* Transformatsiya prava v zakon: dukhovnye, nauchnye i prakticheskie aspekty // Gosudarstvo i pravo. 2006. № 8. S. 43–50.
18. Bibliya. Vekhii Zavet. Chisla, 35:12.
19. *Osipyanyan B.A.* Kriterii pravomernosti tipov i form gosudarstva // Istoriya gosudarstva i prava. 2007. № 18. S. 7–11.
20. *Gegel' G.V.F.* Filosofiya prava. M., 1990. S. 258, 414, 415, 151, 152.
21. *Gobbs T.* Sochineniya: v 2 t. M., 1991. T. 2. S. 574.
22. Izlozhenie ucheniya Sen-Simona. M.-L., 1947. S. 87–88.
23. *Osipyanyan B.A.* Atlas pravomernoi zakonodatel'noi politiki, osnovannoi na stupenyakh razvitiya religioznogo samosoznaniya i predannosti // Predstavitel'naya vlast'. 2007. № 5. S. 23–28.
24. *Osipyanyan B.A.* Zakonodatel'noe planirovanie, upravlenie i kontrol' obshchestva // Obshchestvo i pravo. 2012. № 3. S. 45–56.
25. *Osipyanyan B.A.* Armyanskii Sudebnik 1184 goda kak proobraz khristianskoi konstitutsii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2006. № 7. S. 43–48.
26. Bibliya. Novyi Zavet. Rimlyanam, 12:21.
27. Armyanskii Sudebnik Mkhitar Gosh. Erevan, 1954. S. 162, 238.
28. *Kant I.* Sochineniya: v 6 t. M., 1963–1966. T. 4 (2). S. 257.
29. *Piontkovskii A.A.* Ugolovno-pravovye vozzreniya I. Kanta, A. Feierbakha i Fikhte. M., 1940. S. 79–89.
30. *Osipyanyan B.A.* Opredelenie ponyatiya prava // Sovremennoe pravo. 2007. № 2. S. 34–42.
31. *Osipyanyan B.A.* Pravomernyi zakon i zakonodatel'nyi proizvol // Advokat. 2009. № 7. S. 83–88.
20. *Gegel' G.V.F.* Ukaz. soch. S. 148, 147, 149.
32. *Marks K., Engel's F.* Sochineniya. M.-L. 1958. T. 8. S. 530.
33. *Naumov A.V.* Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lektzii. M., 1996. S. 367.
34. *Tsitseron.* Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh. M., 1966. S. 72, 117.
35. *Montesk'e Sh.* Izbrannye proizvedeniya. M., 1955. S. 233.
36. *Aristotel'.* Sochineniya. T. 4. S. 289;
37. *Lokk Dzh.* Sochineniya. T. 3. S. 448–449, 470–471.
38. *Osipyanyan B.A.* Pravo kak vernyi put' k poryadku i dushespaseniyu, ili dva glavnykh vektora deistviya nadlezhashchei i neprekhodyashchei idei prava // Religiya i pravo. 2015. № 3. S. 28–38; Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. 2015. № 4. S. 4–20.
39. Drevnekitaiskaya filosofiya // Sobr. tekstov: v 2 t. T. 2. M.: Mysl', 1973. S. 55.
40. *Osipyanyan B.A.* Ponyatie pravometrii, ili mezherologii prava // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 8. S. 14–19.
41. *Osipyanyan B.A.* Novyi pravovoi zavet deputatam parlamentov mira, ili konstitutsionnaya sistema pravovoi otvetstvennosti zakonodatelei // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek. 2003. № 1 i № 4. S. 14–18, 20–25.
42. *Osipyanyan B.A.* Nadlezhashchii sotsial'nyi pravoporyadok kak pervoosnova i konechnaya tsel' deistviya chelovecheskogo pravosoznaniya i pravomernogo zakona // «Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve. 2016. № 1. S. 24–32.
43. *Osipyanyan B.A.* Pravosoznanie cheloveka i obshchestvennyi pravoporyadok // Nauchnaya mysl'. 2016. № 2. S. 108–124.

Поступила в редакцию 10 января 2017 г.
Received 10 January, 2017